
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В. В. ЛАПКИН, В. И. ПАНТИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ: ЦИКЛЫ ЛИДЕРСТВА, ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

В статье рассмотрены основные тенденции и закономерности динамики и эволюционного усложнения международной рыночной системы на протяжении последних 1500 лет (с VI в. н. э. до середины XXI в.). Выявлены циклы эволюции международной и затем глобальной рыночной системы, которые прослеживаются на всем протяжении ее исторического существования (в этих обеих ее ипостасях), ведущие к смене ее лидера и к изменению самого характера лидерства. Эти эволюционные циклы включают четыре существенно различающиеся фазы. Первая фаза – технологическая революция (ТР), характеризующаяся революционными сдвигами в производстве, финансах, идеологии, политике, социальной сфере, управлении, проявляющимися локально, первоначально – в ограниченных рамках стран-лидеров этой системы. Вторая – великие потрясения в международной политике и экономике (ВП); они оказываются следствием ограниченного распространения возникших в предыдущей фазе ТР технологий и конфликтного взаимодействия новых практик с прежними социальными институтами. В результате происходит резкая деградация прежнего центра-лидера системы и возвышение нового, более успешного в институциональных преобразованиях, более открытого системным рыночным инновациям. Третья – революция международной рыночной системы (РМР), в ходе которой посредством масштабных геополитических и геоэкономических сдвигов преодолеваются прежние

ограничения для распространения новых технологий и социальных институтов на всем пространстве, актуально охватываемом системой. Наконец, четвертая – структурный кризис (СК), который сигнализирует о том, что широкое распространение инноваций порождает новые, непредвиденные препятствия на пути последовательного структурного усложнения системы, стимулирует и подготавливает новую технологическую революцию. После прохождения этих четырех фаз цикл эволюции международной рыночной системы воспроизводится, но уже на новой основе. С помощью выявленных эволюционно-циклических трендов определена историческая последовательность центров-лидеров международной рыночной системы и охарактеризованы закономерности их смены. Проанализировано современное состояние глобальной рыночной системы и дан прогноз ее развития до середины XXI в., включающий формирование полицентричного мирового порядка. Разработанная модель с высокой вероятностью предсказывает сингулярность в начале 2040-х гг., маркирующую глубокие геополитические изменения и кардинальный перелом в эволюционной динамике глобальной рыночной системы.

Ключевые слова: международная рыночная система, эволюционные циклы, технологическая революция, великие потрясения, революция международной рыночной системы, структурный кризис, международное лидерство, центр-лидер, «квант» исторического времени, сингулярность.

Предварительные замечания

Основные факторы, движущие силы и перспективы уже начавшейся трансформации мирового порядка (см., например: Agrighi 2007; Zakaria 2008; Etzioni 2012; Reich, Lebow 2014; Фергюсон 2016; Colgan, Keohane 2017; Duncombe, Dunne 2018; Ikenberry 2018) невозможно по-настоящему понять и осмыслить без анализа тенденций и закономерностей длительной исторической динамики международного, а затем и глобального рынка как целостной системы. Без такого анализа невозможно определить причины ускорения мирового развития, наличие на условной траектории этого развития многочисленных уже пройденных и еще предстоящих «точек перелома и перерыва» (*turning points, breakpoints*), в числе которых – предсказанная нами ранее особая точка перелома (сингулярность) в развитии мировой системы в начале 2040-х гг. (Пантин, Лапкин 2014; Лапкин 2017). Невозможно понять также причи-

ны периодической смены международного/мирового лидера (Argighi 1994; Modelski, Thompson 1996; Модельски 2005). Системный анализ наглядно показывает, что рассматриваемая ниже эволюция международной рыночной системы, несмотря на многочисленные периодические изменения, сдвиги и инновации, по сути представляет собой единый исторический процесс политического, экономического, социального и культурного развития с высоко выраженной преемственностью и закономерной периодичностью. Изучение исторического процесса с системно-эволюционных позиций позволяет выработать методологию и инструментарий адекватного прогнозирования ближайшего и более отдаленного будущего мировой системы, в том числе и актуализирующихся сегодня процессов *трансформации национального государства*. Более того, сама эта идеалтипическая модель национально-государственного политико-территориального контроля в перспективе многовековой исторической динамики представляется адекватно описывающей лишь ее преходящий эпизод, имеющую свои закономерные временные границы эволюционную фазу развития политических форм человеческого общежития.

В данной статье основное внимание уделено принципиально значимым инвариантам и циклической динамике международной (со временем превратившейся в глобальную) рыночной экономической и политической системы, ведущей к ее ступенчатому расширению (экспансии) и эволюционному усложнению. При этом с самого начала необходимо подчеркнуть, что каждый эволюционный цикл является не повторением предшествующих, а эффективным механизмом усложнения международной/мировой системы, изживания старого и внедрения нового («созидательным разрушением», по Й. Шумпетеру) – без нарушения общей, хотя и не всегда очевидной преемственности развития. Кроме того, в статье сделана попытка проследить на протяжении весьма длительного периода (около 1500 лет) связанные с этим эволюционным усложнением факторы, движущие силы и направления периодического перемещения и изменения характера лидирующего центра международной рыночной системы, центра, вокруг которого и во многом инициативой которого формируются ее иерархия и структура.

Говоря об эволюции, усложнении и экспансии *международной рыночной системы*, необходимо прежде всего показать ее внутреннюю связность и единство, конкретизировать само это понятие. **Международная рыночная система – это система так или иначе институционализированных обменов (торговых, финансовых, производственных, инновационно-технологических, социальных и политических связей и интеракций) между различными центрами производства, торговли и финансов, интеграция и расширенное воспроизводство в рамках которой обеспечиваются за счет широкого комплекса не только экономических, но и тесных геополитических, социальных, информационных, идеологических и культурных сетевых взаимодействий.** При этом важно подчеркнуть, что рыночная система, о которой идет речь, это не только рынок товаров¹ и производные от него рынки услуг, финансов, кредита и инвестиций. Рыночные принципы взаимообменов активно проникают и в смежные области человеческого общения, формируя *технологические, политические, идеологические и информационные рынки*. Международная (а затем мировая, глобальная) рыночная система ставит под свой контроль различные территории, включая самоуправляющиеся города, империи, национально-территориальные государства, но при этом обеспечивает между подконтрольными ей территориями тесные и все более углубляющиеся экономические, политические, информационные и иные связи.

В относительно целостном виде такая система сформировалась в Средиземноморье после распада Римской империи, гибели ее Западной части и глубокого преобразования ее Восточной части в VI–VII вв. н. э., включив территории самой империи, а также лимитрофные и зависимые территории (Уотт 1976; Дьяконов 2010: 83–103; Кункова 2011). Если так можно выразиться, на останках Римской империи и в *процессе освоения ее наследия* родилась новая международная рыночная система. До этого, несмотря на бурное, но ограниченное развитие товарно-денежных отношений и

¹ Включая и «фиктивные», по К. Поланьи (2002: 83, 87–91), товары: труд, землю и деньги.

торговли в Античном мире, говорить о формировании международной рыночной системы как единого целого, с нашей точки зрения, практически невозможно, если не делать огромных натяжек и нереалистичных допущений.

Дело в том, что Античный мир, нашедший свое зрелое и законченное воплощение в Римской империи, как до этого и Древний мир, был основан не на рыночных, а на иных принципах. Древний мир – прежде всего на теократии и монополизации властных ресурсов (в форме деспотии), распространяемой в первую очередь на сферы тезаврации и распределения критически важных элементов жизнеобеспечения сообщества (подробнее см.: Лапкин, Пантин 2004: 70–73). Античный мир в его зрелой фазе – на военной демократии, со временем перерастающей в иерархию, системе клиент-патронатных отношений, рабстве и отчуждении легко мобилизуемых ресурсов завоеванных территорий. Принципы теократии и монополизации властных ресурсов, включая непосредственный властный контроль над распределением, по-прежнему оставались в силе. «Экономическая модель Римской империи была основана на разграблении завоеванных территорий. По мере расширения империи устанавливались удаленные военные гарнизоны для поддержания контроля, а власти все в большей степени полагались на иностранных наемников, их населявших» (Энгдаль 2017: 320–321).

Крушение Римского мира (*Rex Romana*) не было случайностью, оно произошло в силу не столько внешних, сколько внутренних причин (экономический кризис, разрушение традиционной семьи, демографический кризис, нравственное вырождение правящей элиты и значительной части общества) (см.: Тодд 2004: 76). Античный мир и Римская империя принципиально не могли развиваться дальше, тормозом развития было не только рабство, но и политическая и экономическая «жесткость», негибкость нерыночной имперской системы, ее неспособность полноценно интегрировать в себя новые регионы мира, новые человеческие и природные ресурсы, а также эффективно накапливать денежное богатство. Свидетельством этого стал длительный и глубокий кризис Римской империи, начавшийся в III в. н. э. и продолжавшийся вплоть до ее распада и завоевания варварами Западной ее части в V–VI вв. н. э. Этот кри-

зис был связан прежде всего с невозможностью развития рыночных отношений в Средиземноморье, их деградацией под воздействием практикуемой Римской империей перманентной экспроприации всех рыночных агентов. Историческим решением, позволившим преодолеть этот кризис, стали распад империи и образование разнообразных новых центров мировой рыночной системы в виде Арабского халифата, Византии, варварских королевств, а позднее – христианской империи Карла и системы городов-государств в Италии.

Таким образом, Римская империя завершила один виток мирового развития, а ее распад положил начало новому витку, который продолжается до сих пор. Решающий толчок последнему придали, как ни парадоксально, не завоевания варваров в Европе (они лишь поспособствовали разрушению прежнего средиземноморского порядка), а арабские завоевания VII–VIII вв., которые привели к образованию Арабского халифата, в период своего расцвета не уступавшего по территории Римской империи, но при этом активно развивавшего морскую и сухопутную торговлю и товарно-денежные отношения в целом, а также поддерживавшего торговые связи с Китаем и Индией. Иными словами, отнюдь не Западная Европа, а именно Ближний и Средний Восток, мир ислама, фактически вышедший победителем на первом этапе борьбы за римское наследство и на несколько долгих веков ставший доминирующим игроком Средиземноморья, заложил основы и дал толчок новому витку развития международной рыночной системы. Разумеется, многочисленные западные авторы, которые, зачастую не считаясь с фактами, продвигают неприкрыто идеологизированные западоцентричные взгляды не только на современность, но и на всю мировую историю, убеждают мир в том, что источником мирового развития всегда был только Запад, а Восток выступал в лучшем случае лишь истоком косности и консерватизма, если не варварства, тирании и извечного зла. Однако объективный исторический анализ не подтверждает этого (см., например: Уотт 1976; Abu-Lughod 1989; Frank 1998; Дьяконов 2010: 103–104; Гринин, Коротяев 2016: 129–133). Европоцентричный и западоцентричный взгляд на историю и современность является не только односторонним, искажающим дей-

ствительность, но и весьма опасным, препятствующим поиску новых путей развития для всего мира.

И все же возникает естественный вопрос: почему именно в регионе Ближнего и Среднего Востока сформировался импульс к преобразованию средиземноморской имперской системы в международную рыночную систему? Так, Китай и Индия, казалось бы, накопили к моменту краха Римской державы огромные богатства, освоили дальние сухопутные торговые пути (например, Великий шелковый путь), сделали важные технические изобретения. Но почему ни Китай, ни Индия не стали ядром, центром международной рыночной системы?

Объяснение состоит в том, что эти страны-цивилизации по целому ряду причин² в социетальном, культурном и геополитическом плане оказались обособлены от остального мира, и это сохранялось вплоть до XVIII–XIX вв. К тому же ни Китай, ни Индия, несмотря на отдельные достижения, не развили морскую торговлю в достаточной степени³, и это стало одной из важных причин их долгое время сохраняющейся обособленности. Но обособленность не значит изолированность: Китай и Индия поддерживали торговые и иные отношения с другими регионами мира, прежде всего с Ближним и Средним Востоком. Однако в политическом, культурном и финансово-экономическом отношении они резко отличались от остального мира, были самодостаточны, замкнуты главным образом на самих себе и на своих ближайших, как правило, культурно зависимых соседях. Достаточно вспомнить идеологию «Поднебесной» в Китае, которая рассматривала все остальные народы как

² В их числе – географическая и культурная обособленность, рано достигнутая внутренняя социокультурная, а затем и политическая однородность, а также хозяйственная самодостаточность. Сопоставим: Восточное Средиземноморье с древних времен и на протяжении всех последующих, включая Античность, веков, несмотря даже на объединительные усилия Александра, а также римских проконсулов и наместников восточных провинций, сохраняло дифференцированную, но связанную культурными и хозяйственными обменами структуру.

³ Фактически внутреннее Средиземное море, объединявшее разные народы и даже континенты, способствовало этому в гораздо большей степени, нежели смертельно опасные для древних мореходов Тихий и Индийский океаны.

варварские, или же кастовую систему в Индии, согласно которой все прочие народы по сути были ниже самых низших индийских каст (варн). В таких формах на уровне общественной самоорганизации и самоидентификации этих стран-цивилизаций проявились последствия сложившихся в них систем рынков, которые так и не смогли стать международными. В результате такой обособленности и самодостаточности Китай и Индия оказались в стороне от новой, формирующейся и бурно развивающейся международной рыночной системы, не стали ее ядром и порождающим началом. Поэтому, отдавая должное работам таких авторов, как К. Чейз-Данн (см.: Chase-Dunn, Hall 1997) и А. Г. Франк (Frank 1998), попытавшихся преодолеть европоцентризм и показать важную роль Китая в формировании средневековой и современной мир-системы, следует все же подчеркнуть, что на деле Китай вплоть до XX в. оказывал хотя и важное, но опосредованное влияние на генезис и динамику международной рыночной системы. Главным образом – через транзитные караванные торговые пути и через заимствование арабами и позднее европейцами некоторых китайских изобретений и открытий. С известными коррекциями то же относится и к Индии. При таком подходе роль Китая и Индии вовсе не умаляется, а оценивается вполне адекватно с позиций единой логики развития рассматриваемой системы.

Эти предварительные замечания необходимы для понимания генезиса и динамики международной рыночной системы, а также общей системы циклов ее эволюции, о которых речь пойдет ниже. Еще раз подчеркнем, что в явном, более или менее развитом виде международная рыночная система стала формироваться в VI–VII вв. н. э., хотя некоторые ее предпосылки возникали гораздо раньше, в эпоху Древнего и Античного мира. Поэтому проанализированный период динамики этой системы охватывает огромный временной интервал с VI–VII вв. до середины XXI в. Ниже мы покажем, что на всем его протяжении сохраняются преемственность и единство динамики международной рыночной системы и одновременно прослеживается ее эволюционное усложнение.

Общая система циклов эволюции международной рыночной системы

Структурировать эволюционную динамику международной рыночной системы (МРС) можно по-разному. Однако, на наш взгляд, наиболее плодотворным подходом к структурированию и периодизации ее динамики, уже подтвердившим свою эффективность и в плане понимания истории, и в плане прогнозирования будущего, является системно-эволюционный подход (Пантин 1996; Modelski, Thompson 1996; Лапкин, Пантин 2004; Модельски 2005; Акаев, Pantin 2014; Пантин, Лапкин 2014; 2018). Системно-эволюционный подход рассматривает динамику международной рыночной системы как совокупность взаимосвязанных эволюционных циклов, в ходе которых происходят качественные преобразования, усложнение и экспансия системы, включающие возникновение новых центров силы и смену лидирующего центра (центра-лидера международной или глобальной рыночной системы).

При этом, как уже отмечалось выше, прослеживается удивительная преемственность в эволюции МРС, охватывающей три различные эпохи. *Первая* – эпоха доминирования торгово-производительных империй (ТПИ; VII–XIII вв.), в которых производство было вспомогательной функцией торговли, а политическое единство империи обеспечивалось главным образом за счет религиозной и военно-мобилизационной консолидации имперской элиты. *Вторая* – эпоха доминирования производительно-торговых империй (ПТИ; XIV–XVIII вв.), в которых производство начинало подчинять себе торговлю, используя ее как средство стимулирования собственного развития, а политическое единство империи обеспечивалось не столько за счет религиозных институтов, сколько за счет сильной светской власти, объединяющей высшие сословия, и расширения заморских колоний. *Третья* – эпоха доминирования индустриальных империй (ИИ; XIX–XXI вв.), в которых торговля и прогресс технологий стали инструментами глобальной индустриальной и финансовой экспансии. Наиболее яркими и зрелыми представителями торгово-производительных империй являются Арабский халифат и Византия (а под прикрытием последней –

и Венецианская республика). Представители производительно-торговых империй – Соединенные провинции Нидерландов и Великобритания XVIII в. (с зависимыми от них заморскими территориями). Представители индустриальных империй – Британская империя начала XIX в. – середины XX в., Соединенные Штаты и в самые последние годы Китайская Народная Республика. Парадокс в том, что все эти и многие другие государственные образования, которые внешне предстают то в виде теократий, то в виде городов-республик, то в виде национальных государств, на деле являются образованиями, обладающими ярко выраженным имперским или неоимперским ореолом, имеющими свой центр и свою периферию (Лапкин 2018).

Чтобы наглядно представить результаты анализа исторической динамики международной рыночной системы и используемый подход к ее структурированию, приведем таблицу циклов эволюции данной системы (табл. 1) и затем прокомментируем ее.

Таблица 1

**Циклы эволюции международной рыночной системы
(VI–XXI вв.)**

ТР	ВП	РМР	СК	Цикл	Эпоха	Продолжительность, лет
			529–637			108
637–661				I	1. ТПИ	24
	661–769					108
		769–793				24
			793–889			96
889–913				II		24
	913–1009					96
		1009–1033				24
			1033–1117			84
1117–1141				III		24
	1141–1225					84
		1225–1249				24
			1249–1321			72

Окончание табл. 1

ТР	ВП	РМР	СК	Цикл	Эпоха	Продолжительность, лет
1321–1345				IV	2. ПТИ	24
	1345–1417					72
		1417–1441				24
			1441–1501			60
1501–1525				V		24
	1525–1585					60
		1585–1609				24
			1609–1657			48
1657–1681				VI		24
	1681–1729					48
		1729–1753				24
			1753–1789			36
1789–1813				VII	24	
	1813–1849				36	
		1849–1873			24	
			1873–1897		24	
1897–1921				VIII	24	
	1921–1945				24	
		1945–1969			24	
			1969–1981		12	
1981–2005				IX	24	
	2005–2017				12лет	
		2017–2041			24	
			2041–2041		Сингулярность! 0 лет	

Примечание. Обозначения фаз эволюции МРС: ТР – технологическая революция, ВП – великие потрясения в международной политике и экономике, РМР – революция международного (мирового) рынка, СК – структурный кризис в экономике, политике, идеологии и социальной сфере. Временные границы каждой фазы эволюционного цикла приведены с точностью до 2–3 лет.

Таблица 1 в концентрированной форме представляет способ структурирования динамики международной рыночной системы в виде определенных (четырёхфазных) эволюционных циклов. Ее научно-теоретическая и прогностическая ценность состоит в том, что, как будет показано ниже, она весьма точно отражает основные этапы, периоды и фазы динамики международной рыночной системы на длительном (около 1500 лет) промежутке времени. При этом наблюдается закономерное ступенчатое сокращение продолжительности эволюционных циклов за счет последовательного ускорения процессов вызревания технологических (в фазе СК) и геополитических (в фазе ВП) сдвигов (расшифровка сокращенных обозначений фаз дается в примечании к табл. 1). При этом продолжительность фаз, в которых эти сдвиги осуществляются, фаз ТР и РМР остается фактически неизменной (около 24 лет) в течение полутора тысячелетий. Первоначально мы обнаружили данную закономерность (а именно – последовательное сокращение в среднем примерно на 12 лет продолжительности фаз ВП и СК при сохранении продолжительности фаз ТР и РМР в пределах $2 \times 12 = 24$ года) для последних трех циклов эволюции международной рыночной системы (VII, VIII и IX циклов) (Пантин 1996; Пантин, Лапкин 2014). Затем мы распространили выявленную закономерность на более ранние циклы (произвели своего рода *ретроспективный анализ*), в результате чего получилась приведенная выше таблица 1. Отметим также, что именно в течение VI цикла международная рыночная система становится мировой, глобальной. Соответственно, при анализе трех последних циклов (VII, VIII и IX) мы можем с уверенностью говорить о мировой рыночной системе (также МРС). Итак, циклы эволюции международной (в узком смысле) рыночной системы охватывают преимущественно Средиземноморский регион, циклы мировой рыночной системы характеризуют эволюцию системы, претендующей на глобальный охват.

В самом кратком изложении смысл и содержание каждой фазы полных четырехфазных циклов эволюции международной рыночной системы состоят в следующем.

Фаза **ТР** соответствует технологической революции в широком смысле, то есть не только в технологиях производства, финансов,

транспорта и связи, но и в идеологии (в том числе в сфере идей религиозного характера), политике, социальной сфере, управлении.

Фаза **ВП** соответствует великим потрясениям в международной политике и экономике (сопряженным с затяжными экономическими кризисами и периодами депрессии, чередой глубоких социальных и политических конфликтов, переворотов, революций и войн). Причина этих потрясений – в ограниченности спроса на возникшие в предыдущей фазе ТР технологии и инновационные продукты, а также в разных скоростях распространения инноваций в разных частях МРС. Технологическая революция охватывает на первых порах лишь небольшое число субъектов МРС, причем эта технологически передовая часть системы вступает в острый конфликт с по-прежнему доминирующими на периферии МРС сложившимися ранее институтами, ценностями, формами организации, жизненными укладами. В этой фазе происходит резкая деградация прежних принципов регулирования МРС, прежнего международного порядка, а вместе с тем и олицетворяющего его прежнего центра-лидера системы, доминировавшего на протяжении предыдущих четырех фаз эволюционного цикла⁴. На смену ему приходит новый лидер, привносящий в систему новые упорядочивающие ее принципы, новые инварианты общения.

В фазе **РМР** происходит *геополитическая и геоэкономическая революция* международной рыночной системы, радикальная трансформация структуры ее ведущих центров (возглавляемых центром-лидером) и самой парадигмы лидерства. В ходе этой революции преодолеваются прежние ограничения для распространения новых технологий и новых социальных институтов во всех сферах жизни общества, соответственно, инновационные формы общения распространяются не только от лидера к ведущим центрам Системы, но и по всей ее периферии. Утверждается новый международный (мировой) порядок.

Наконец, фаза **СК** соответствует длительному и глубокому кризису всей технологической, социальной, идеологической и политической структуры международной рыночной системы, связан-

⁴ О ряде особых случаев, позволяющих уточнить понятие доминирования (лидерства) в МРС и его системной деградации, будет подробно сказано ниже.

ному с исчерпанием сформированных в рамках данного эволюционного цикла возможностей ее дальнейшей экспансии и падением эффективности социальных, экономических и политических институтов. При этом фаза структурного кризиса подготавливает новую технологическую революцию, и весь цикл эволюции международной рыночной системы воспроизводится, но уже на новой технологической, социальной, идеологической и геополитической основе.

Обратим внимание на то важнейшее обстоятельство, что время в системе циклов эволюции МРС имеет особый по своим качественным характеристикам *структурированный и «квантованный» характер*. При этом «квант» эволюции (КЭ) неизменен (составляет около 12 лет) на всем протяжении периода 637–2041 гг.; а длительность фаз историко-эволюционных трансформаций ведет себя по-разному: для фаз ТР и РМР она неизменна на всем протяжении рассматриваемого периода и составляет 2 КЭ (около 24 лет), для фаз ВП и СК – систематически и пошагово сокращается (в каждом последующем цикле – примерно на тот же «квант», то есть на 12 лет; см. табл. 1). Эта фундаментальная тенденция, наблюдаемая на протяжении примерно полутора тысячелетий, нуждается в кратком комментарии в форме поясняющей гипотезы. Исчерпывающее объяснение этой тенденции потребовало бы изложения, далеко выходящего за рамки статейного формата.

Суть гипотезы в том, что фазы технологической революции и революции международного рынка – это весьма бурные и относительно короткие по времени периоды революционных изменений (фазы «рывка»), которые охватывают средний период активной социальной жизни одного поколения в истории (24–25 лет, или же 2 КЭ). Существенно больше или меньше этого периода революционные изменения длиться не могут, так как они поглощают жизненные и иные ресурсы целого поколения. В то же время фазы структурного кризиса и великих потрясений – подготовительные (фазы «релаксации» системы после предшествующих революционных перемен и вызревания ее готовности к новым переменам, в традиционном обществе требовавшие смены нескольких поколений).

В фазе структурного кризиса вызревают условия и предпосылки для очередной технологической революции – революции не

только в технологиях производства, финансов, транспорта и связи, но и в идеологии, политике, социальной сфере, управлении. Для этого вызревания требуется время, которое зависит от скорости распространения информации и скорости доставки товаров по торговым путям, от возникновения и первоначального внедрения социальных, идеологических и политических инноваций, открытий, изобретений, а также от скорости формирования и укоренения новых социальных, экономических, политических институтов. Разумеется, это время достаточно велико в начале эволюционного процесса, и предвещающая его фаза структурного кризиса (529–637 гг.) длится примерно 108 лет, что в целом соответствует периоду активной жизни около четырех с половиной поколений, или 9 КЭ ($24 \times 4,5 = 12 \times 9 = 108$). В первом эволюционном цикле (637–889 гг.) фаза СК длится уже только 96 лет, или 8 КЭ ($24 \times 4,0 = 12 \times 8 = 96$; см. табл. 1). В следующем втором эволюционном цикле (889–1117 гг.) длительность фазы СК сокращается на «квант» (примерно на 12 лет; $24 \times 3,5 = 12 \times 7 = 84$).

Такое сокращение длительности фазы СК происходит регулярно в каждом новом цикле благодаря ускорению внедрения и распространения разнообразных инноваций, вызванных предыдущей технологической революцией, замещения ими в жесткой конкурентной борьбе прежних устаревших институтов, технологий и форм общения. Соответственно, с каждым циклом МРС сокращается и период фазы ВП (период вызревания очередной геополитической и геоэкономической революции, происходящей в последующей фазе РМР, когда радикально меняется вся иерархия в международной, а с VII цикла и в глобальной рыночной системе).

В итоге ускорение развития системы (МРС) происходит за счет систематического сокращения длительности фаз, необходимых для ее подготовки к очередным технологическим и геополитическим революциям (сокращения времени «релаксации» и вызревания). Сокращение длительности фаз СК и ВП на «квант» наблюдается вплоть до современного девятого эволюционного цикла (см. табл. 1). В этом завершающем цикле эволюции МРС длительность фазы ВП составляет около 12 лет (половина активной жизни поколения в истории, или 1 КЭ), что обусловлено резким ускорением всех социальных процессов. Более того, в конце этого цикла, со-

гласно предлагаемой модели, траектория системы входит в область сингулярности, или, иными словами, предсказываемая теорией длительность периода СК сокращается до нуля (!), а функциональная потребность в перерыве между «революциями в развитии» утрачивается, такты «релаксации» и вызревания становятся ненужными для дальнейшего ее движения. Очевидно, однако, что на деле это означает фундаментальный перелом в развитии МРС, глубокие изменения характера этого развития.

Но какова природа «квантования» исторического времени системы и почему его величина составляет 12 лет – шаг сокращения периодов вызревания новой технологической или геополитической революции? Можно предположить, что данный «полупериод» активной социальной жизни поколения людей в истории представляет собой *время обучения и социального созревания этого поколения*, которое, как ни парадоксально, является своеобразной константой в истории сложноорганизованных сообществ. В самом деле, если раньше люди учились ремеслу у мастеров в средневековых цехах или навыкам сельского хозяйства у своих родителей в сельских общинах медленно и постепенно, замещая своих учителей примерно через 10–12 лет при относительно короткой средней продолжительности жизни, то в современную эпоху, несмотря на увеличение средней продолжительности жизни, период получения образования и созревания очередного поколения до активной социальной и экономической жизни практически не изменился и составляет в среднем также около 12 лет. Это происходит потому, что хотя скорость обучения возрастает благодаря использованию новых образовательных технологий, но одновременно (и практически пропорционально) увеличивается объем знаний, необходимых для общественно-производительного физического или интеллектуального труда. При этом, поскольку продуктивность социальной деятельности в каждом эволюционном цикле возрастает путем ускоряющегося повсеместного распространения результатов технологических революций, время, необходимое для вызревания очередных технологических или геополитических сдвигов, сокращается.

Разумеется, все эти рассуждения справедливы лишь в предположении, что в рамках международной рыночной системы суще-

ствует определенная и сильно выраженная синхронизация социальной, экономической и политической жизни людей в разных странах и регионах этой системы. Фиксация «кванта времени» в эволюции международной рыночной системы косвенно подтверждает обоснованность этого предположения, указывая на ключевую роль рынка (глобальной совокупности связанных между собой рынков) в обеспечении такой синхронизации. Рынок представляет собой своеобразную *активную среду*, в которой импульсы и изменения, возникшие в одной ее части, быстро распространяются по всем остальным частям. Понятие и модель активной, или возбудимой, среды предполагает, что импульс распространяется в ней за счет энергии, запасенной в ее элементах, в каждой ее условной точке, которая и генерирует (подпитывается) распространяющиеся в такой среде автоволновые процессы, поддерживающие передачу информации о происходящих в ней изменениях, а также управляющие импульсы. Таким образом, международная рыночная система стихийно, посредством отношений обмена, инвестирования, инноваций и других рыночных инструментов синхронизирует социальную жизнедеятельность людей на огромных пространствах. В итоге мы имеем синхронизированные циклы эволюции международной, а затем и глобальной рыночной системы.

Очень коротко, в несколько упрощенном и схематичном виде поясним, почему полный цикл эволюции международной рыночной системы является именно **четырёхфазным**, а не двухфазным, так как этот вопрос часто возникает в научных дискуссиях и требует пояснения. Дело в том, что полный эволюционный цикл с начала индустриальной эпохи (с конца XVIII в. и по настоящее время) может быть описан с помощью модели несколько модифицированных **циклов Кондратьева**. В этом случае описываемый нами полный эволюционный цикл включает **два цикла Кондратьева** (два К-цикла)⁵, в совокупности – четыре фазы, соответ-

⁵ Подчеркнем, что терминология циклов Кондратьева (или К-циклов) в полной мере применима лишь к индустриальной эпохе (периоду с конца XVIII в.). Для более ранних эпох при описании полного эволюционного цикла следует при-

ственно, две повышательные и две понижательные. Из четырех фаз состоит также и **цикл подъема и упадка центра-лидера** (Валлерстайн 2003; Модельски 2005), соответствующий полному эволюционному циклу, смещенному по времени (на *половину полного эволюционного цикла*).

При совпадении протяженности полного эволюционного цикла (цикла эволюции МРС) и цикла подъема и упадка центра-лидера фазовое смещение последнего можно охарактеризовать следующим образом. Восхождение нового центра-лидера к полноценному политическому и экономическому доминированию в рамках системы начинается в фазе революции мирового рынка. Это восхождение во многом опирается на итоги предыдущей фазы ВП, когда контроль старого центра-лидера над совокупным ресурсным потенциалом системы ослабевает. При переходе к фазе РМР новым центром-лидером утверждается новый международный порядок, одновременно по мере преодоления негативных последствий фазы ВП начинается и систематический подъем конъюнктуры (повышательная волна второго из двух К-циклов, образующих полный эволюционный цикл). В силу этого синергического эффекта фаза РМР является наиболее динамичной и благоприятной для экспансии, расширения границ международной рыночной системы, упрочения интегрирующих ее начал.

В последующей фазе структурного кризиса (СК) происходит очередное системное ухудшение международной рыночной конъюнктуры (понижательная волна второго К-цикла), на что накладывается продолжающееся упрочение доминирующего положения нового центра-лидера и связанного с ним международного (мирового) порядка (это доминирование подходит к максимуму в конце фазы СК – начале фазы ТР следующего эволюционного цикла).

нимать во внимание циклы изменения конъюнктуры, включающие периоды крупных технологических инноваций и периоды геополитических сдвигов (Zschocke 1985; Бродель 1992: 68). Вместе с тем у циклов Кондратьева в индустриальную эпоху были своеобразные «предшественники», хотя повышательные и понижательные волны в те эпохи улавливались исследователями далеко не всегда.

В фазе TP (соответствующая повышательной волне первого из двух K-циклов, образующих полный эволюционный цикл) актуальный центр-лидер достигает вершин доминирования в международной (мировой) системе, но на завершающем ее этапе начинает утрачивать доминирующие позиции по целому ряду направлений, теряет контроль над совокупным ресурсным потенциалом этой Системы (MPC), уступая конкурирующим в ее рамках центрам силы, а следовательно, и способность эффективно поддерживать прежний международный (мировой) порядок.

Наконец, в фазе великих потрясений этот наметившийся тренд разложения прежнего международного (мирового) порядка в сферах экономики и политики усугубляется в условиях падения международной рыночной конъюнктуры (понижательная волна первого K-цикла). К концу этой фазы, как правило, обнаруживается новый центр-лидер, наиболее активно демонстрирующий свои претензии на восстановление мирового порядка на существенно обновленных основаниях. Следует особо подчеркнуть, что в циклах VI–VIII такая трансляция лидерства проходила при интенсивном взаимодействии «уходящего» и «возвышающегося» центров, а «субстанция лидерства» (наиболее адекватно отображаемая понятием *финансовый капитал*) как бы плавно перетекала из «старого» центра-лидера в «новый».

Затем четырехфазный цикл трансляции лидерства международной рыночной системы воспроизводится, а сама эта система эволюционно обновляется на основе продвигаемых новым лидером новых принципов миропорядка, новых, расширенных ресурсных, технологических и институциональных возможностей. Отметим, что похожая, хотя и отличающаяся по структуре, содержанию и датировке, модель была предложена С. Н. Тепляковым (2015: 360), однако впервые четырехфазная модель с двумя K-циклами была описана гораздо раньше (Умов, Лапкин 1992; Пантин 1996; Пантин, Лапкин 2006: 289–301).

Для большей наглядности обозначим подъем рыночной конъюнктуры и подъем центра-лидера, который в данный период формирует иерархию международного (мирового) порядка, знака-

ми (+), а падение конъюнктуры и падение роли центра-лидера знаками (-). Тогда в фазе ТР будем иметь, соответственно, (+/-), в фазе ВП (-/-), в фазе РМР (+/+), в фазе СК (-/+), причем каждая из этих фаз будет характеризоваться уникальной комбинацией знаков, отличающей ее от других (см. табл. 2). В итоге имеем именно четырехфазный, а не двухфазный эволюционный цикл.

Завершая краткий обзор сюжетов, сопряженных со сменой лидерства, вернемся к анализу табл. 1. Отметим, что первая триада циклов (637–1321 гг.) включает своеобразную циркуляцию лидирующего центра международной рыночной системы относительно Средиземноморского бассейна (*Mediterranium circumvehor*): лидирующий центр был сначала в Арабском халифате, затем в Византии (локализуясь, по преимуществу, в Константинополе) и, наконец, в Венецианской республике. Во второй триаде циклов (1321–1789 гг.) наблюдается своего рода «размыкание» Средиземноморья: в ходе своей циркуляции лидирующий центр смещается в западное Средиземноморье (итальянские города-государства, прежде всего Флоренция и Генуэзская республика), а затем «выходит» в Северо-Восточную Атлантику (Голландия, впоследствии ставшая морскими воротами Соединенных провинций Нидерландов, а с начала XVIII в. – Королевство Великобритания). В третьей триаде циклов (1789–2041 гг.) международная рыночная система превращается в глобальную, охватывающую весь земной шар (*Global circumvehor*), а ее лидирующим центром (центром-лидером) последовательно становятся Британская империя (на этом этапе прежнее Королевство Великобритания становится Соединенным Королевством Великобритании и Ирландии) и Соединенные Штаты Америки. Коллизии трансляции лидерства и трансформации миропорядка в IX цикле эволюции МРС имеют некоторые принципиальные особенности, обусловленные предсказываемыми моделью глубокими изменениями характера эволюции по завершении этого цикла (см. табл. 1), и будут обсуждаться в завершающей части статьи.

Таблица 2

**Тренд конъюнктуры и международного лидерства
(международного порядка)
в различных фазах эволюционного цикла**

Фаза эволюционного цикла	Тренд конъюнктуры	Тренд лидерства и упорядоченность международной системы	Итог
Технологическая революция (ТР)	Подъем (+)	Падение (-)	(+ / -)
Великие потрясения (ВП)	Падение (-)	Падение (-)	(- / -)
Революция международного рынка (РМР)	Подъем (+)	Подъем (+)	(+ / +)
Структурный кризис (СК)	Падение (-)	Подъем (+)	(- / +)

Далее кратко рассмотрим особенности каждой триады циклов и их ключевые переломные моменты.

Первая триада циклов эволюции международной рыночной системы: характерные особенности

Первая триада циклов начинается со своего рода «подготовительной» фазы структурного кризиса, примерно охватывающей период 529–637 гг. (см. табл. 1). В этот период произошло множество событий, которые подготовили обновление и будущую экспансию международной рыночной системы. Существенно, что в этой первой триаде циклов некоторые тенденции и закономерности динамики международной рыночной системы видны даже более отчетливо, чем в более поздних циклах, когда система заметно усложнилась. В рамках данной статьи возможно лишь кратко упомянуть наиболее важные из событий и процессов, которые сыграли ключевую роль в становлении рассматриваемой системы в Средиземноморье – прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Восточной Римской империи (Византии).

После падения Западной Римской империи в 476 г. на протяжении почти всего VI века основная борьба за важнейшие транзитные торговые пути шла между Ираном и Византией. Несмотря на дли-

тельные войны, Ирану не удалось надолго захватить у Византии ключевые для торговли территории, но зато удалось в 572 г. отнять у союзников Византии эфиопов Йемен в Южной Аравии и подчинить своему контролю важнейший караванный торговый путь, проходивший из Сирии через Западную Аравию в Йемен и соединявший Восточное Средиземноморье с Индией. Период 572–628 гг., который пришелся на вторую половину фазы СК (529–637 гг.), стал временем иранского владычества в Йемене. Это владычество вызвало перемещение ключевых торговых путей с Красного моря к Персидскому заливу, следствием чего стал длительный и глубокий социально-экономический кризис в Аравии. Торговля Аравии и ее важнейшего города Мекки оказалась подорванной, арабские племена, прежде получавшие доходы от караванной торговли, обеднели (Всемирная... 1957: 106).

Одним из важнейших результатов кризиса в Аравии явилось возникновение новой религиозной и идеологической версии авраамического учения – ислама, не только в значительной мере способствовавшего объединению арабских племен для завоевания всего Ближнего и Среднего Востока, включая Средиземноморье, но и внесшего решающий идейный вклад в основу институционализации международного рыночного общения. Отправной датой нового мусульманского летоисчисления на основе лунного календаря стала хиджра (622 г.). А в 630 г. Мекка подчинилась Мухаммеду, что знаменовало зарождение Арабского исламского государства. После смерти пророка Мухаммеда в 632 г. его преемники-халифы провели чрезвычайно успешные для арабов войны с Ираном и Византией (последние к тому времени взаимно обессилили друг друга, и это во многом определило успех арабских завоеваний). Тем самым была создана первичная идеологическая, экономическая, политическая и военная основа для формирования новой международной рыночной системы, нового международного порядка в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке.

Фаза TP (637–661 гг.) I цикла (табл. 1) стала решающей в плане утверждения и институционализации этого нового экономического, политического, религиозно-идеологического и военного порядка. В 637–651 гг. осуществилось завоевание Ирана арабами (в 637 г. арабами была взята и разрушена столица Ирана Ктесифон), в ре-

зультате чего главный конкурент и соперник Аравии в морской и сухопутной торговле оказался повержен. В 634–640 гг. арабы отвоевали у Византии Палестину, Сирию и Верхнюю Месопотамию, а в 640–642 гг. – Египет. Наконец, в 661 г. на огромных и стратегически важных с точки зрения контроля за морской и сухопутной торговлей территориях возник Халифат Омейядов, чем, собственно, и завершилась первая фаза ТР. Тогда же, в 661 г., был убит зять пророка Али (последний из четырех праведных халифов) и окончательно оформилось разделение ислама на шиитов (сторонников Али) и суннитов.

Таким образом, начальная и конечная даты фазы ТР первого эволюционного цикла – 637 г. (разгром арабами армии Ирана и захват столицы) и 661 г. (завершение «романтического периода» и образование мощнейшей по тем временам империи – Халифата Омейядов) в точности соответствуют временным границам этой фазы. Учитывая, что сама фаза ТР первого цикла и ее временные границы были выведены, как отмечалось выше, «дедуктивно», с помощью ретроспективного анализа, такое совпадение не может не поражать. Не исключено, что подобное совпадение связано именно с тем, что данный цикл является первым в долгом ряду циклов развития новой международной рыночной системы, задающим временные и структурные параметры дальнейшей ее эволюции.

Для следующей фазы великих потрясений первого цикла эволюции международной рыночной системы (661–769 гг.) характерны, с одной стороны, развитие морского флота и морской торговли и ремесла на Ближнем Востоке, а с другой – дальнейшая экспансия Халифата Омейядов. К началу VIII в. арабы закончили завоевание Северной Африки, в 711–714 гг. покорили большую часть Пиренейского полуострова в Европе, а к 721 г. даже перешли через Пиренеи. К 715 г. было в основном завершено завоевание Закавказья и Средней Азии. В то же время это был период многочисленных восстаний, политических и социальных потрясений, которые привели в 750 г. (ближе к концу фазы великих потрясений) к драматическому падению Халифата Омейядов и к возникновению Халифата Аббасидов.

Следующая короткая (примерно 24-летняя) фаза революции международного рынка (769–793 гг.) характеризовалась целым рядом на первый взгляд не связанных друг с другом важных процессов. Во-первых, произошло перемещение центра Арабского халифата из Сирии в Ирак, что знаменовало геополитические и геоэкономические сдвиги на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Во-вторых, Византия в этот период сумела остановить натиск Арабского халифата и даже перешла при императоре Константине V (741–775 гг.) в наступление; кроме того, Византия смогла частично восстановить свои торговые связи с Востоком и значительно расширить свои экономические отношения со странами Европы. В-третьих, в этот период почти завершилось образование империи Карла Великого, ставшей на многие века основой европейского культурного и политического единства. В 768 г. Карл стал (в соправительстве с братом Карломаном) королем франков, с 771 г. – единовластным правителем Франкского королевства, а с 800 г. – императором, коронованным папой. Все эти процессы объединяют важные с точки зрения будущего развития международного рынка геополитические и геоэкономические сдвиги, преодолевающие сложившуюся «монополию» Халифата, что и составляло суть фазы революции международного рынка в первом цикле эволюции МРС.

В завершающей первый цикл эволюции фазе структурного кризиса (793–889 гг.) вызревали условия для новой технологической революции, нового цикла эволюции международной рыночной системы и перемещения лидирующего центра из Арабского халифата в Византию (принципиально обновленную версию Восточной Римской империи, существенно реформированную и эллинизированную). С 867 г. в Византии стала править Македонская династия, при которой в начале XI в. Византия достигла наибольшего влияния в Средиземноморье со времен начала возвышения Халифата. В то же время халифат Аббасидов вступил в период кризиса, который усиливался на протяжении всего второго эволюционного цикла (889–1117 гг.).

В результате в фазе великих социальных, политических и экономических потрясений второго цикла (913–1009 гг.), решающей

для смены лидера международной рыночной системы, произошло резкое ослабление Арабского халифата и усиление Византии, которая более чем на столетие стала доминирующим в Средиземноморье и на Ближнем Востоке центром-лидером. «В IX–X вв. Византия продолжала вести тяжелую борьбу с арабами. К середине X в. в этой борьбе наступил перелом в пользу Византийского государства. Этому способствовало ослабление Багдадского халифата, распавшегося на ряд феодальных княжеств. Византия отвоевала у арабов остров Крит (961 г.), часть Малой Азии и Сирии и Верхнюю Месопотамию. Границы Византийского государства вновь доходили на Востоке до берегов Евфрата и Тигра» (Всемирная... 1957: 220). Византия также распространила свое религиозное, культурное и отчасти политическое влияние на Киевскую Русь.

В следующей фазе МРС (1009–1033 гг.) Византия при Василии II включила в свой состав на востоке Антиохию, часть Месопотамии, Армении и Иберии, а на западе – юг Италии, Болгарию и, на автономных началах, Сербию и Хорватию, закрепив тем самым принципиальные геополитические и геоэкономические сдвиги в МРС. Но уже в фазе структурного кризиса (1033–1117 гг.) после периода доминирования Византии в Средиземноморье впервые намечился подъем европейских претендентов на освоение римского наследия (прежде всего – Венеции, существовавшей под «зонтиком» Византии, но постепенно прибиравшей к рукам византийскую торговлю). В 1054 г. произошло окончательное разделение православной и католической церквей, а в 1096 г. началась эпоха Крестовых походов европейских рыцарей на Ближний Восток с целью разграбления накопленных там за долгие века и тысячелетия богатств, что позволило итальянским городам-государствам вскоре занять ведущее положение в Европе, а затем и в международной системе в целом.

В третьем (Венецианском) цикле эволюции МРС (1117–1321 гг.) в очередной раз осуществилась смена центра-лидера, произошли постепенное падение экономической, политической и геостратегической роли Византии в Средиземноморье и подъем Венеции. При этом решающий период в процессе этой смены снова пришелся на фазу великих потрясений (1141–1225 гг.). В 1204 г. во время Чет-

вертого крестового похода по настоянию дожа Венеции Э. Дандоло крестоносцы вместо освобождения Гроба Господня захватили и разграбили Константинополь, ударив Византии в спину и заняв на некоторое время значительную часть ее территории. В ходе разграбления Византии большая часть накопленного ею золота перешла к Венеции. После этого удара Византия уже не смогла восстановить свое былое могущество, и лидерство в средиземноморской торговле перешло сначала к Венеции, а затем к другим итальянским городам-государствам (фактически «Соединенным итальянским республикам»). Тем самым обозначился переход от доминирования классических империй «постримской эпохи» к более сложным и многофункциональным образованиям раннекапиталистического типа, о чем будет сказано немного ниже. В то же время следует отметить, что Венеция и другие итальянские города-государства имели выраженные черты имперских образований со своими колониями, зависимыми странами, разделением на центр и периферию, колониальными войнами и т. п.

В фазе РМР III цикла (1225–1249 гг.) произошла геополитическая и геоэкономическая революция, связанная с монгольскими завоеваниями, подготовившими образование громадной Монгольской империи, фактически контролировавшей всю северную Евразию. Эти завоевания радикально изменили всю международную рыночную систему, сформировали новые торговые пути и на некоторое время связали Западную Европу (прежде всего Венецию и Геную) с Золотой Ордой, имевшей выход к Черному и Средиземному морям, и с Китаем (вспомним путешествие венецианского купца Марко Поло в Китай через территорию Монгольской империи). Более того, территория Золотой Орды и других частей Монгольской империи активно использовалась итальянскими городами-государствами для торговли и накопления денежного богатства, что, собственно, и привело к возвышению Венеции, Генуи, Флоренции.

Мы столь подробно остановились на первой триаде циклов эволюции международной рыночной системы, чтобы показать, что концепция эволюционных циклов, проиллюстрированная табл. 1, работает в весьма отдаленные от нынешнего времени (от 800 до

почти 1500 лет) периоды истории. На первый взгляд, повторим это еще раз, события и процессы того далекого прошлого не имеют к нам никакого отношения. Однако, как ни парадоксально, логика развития и экспансии международной (а сейчас глобальной) рыночной системы в целом воспроизводится вновь и вновь, хотя и в модифицированном, более сложном, дифференцированном и развернутом виде.

Особенности второй триады циклов эволюции международной рыночной системы

В четвертом, следующем за Венецианским цикле МРС (1321–1501 гг.) эволюционная динамика, до той поры неразрывно связанная со Средиземноморьем, демонстрирует принципиальное усложнение. Усложняется как структура центра-лидера (в этом качестве теперь выступает сообщество североитальянских городов-политий, кооперирующихся и тесно связанных между собой посредством разделения коммерческих функций в рамках интегральной целостности), так и сам базовый *порядок* международной системы.

Вот некоторые наиболее яркие грани функционального разделения в структуре центра-лидера. 1. Генуя становится доминирующим игроком в морской торговле и колонизации внешних пространств, все настойчивее устремляясь за пределы Средиземноморья. Не имея возможности проникнуть в контролируемое мамлюками Красное море и преодолеть барьеры, выстроенные арабами в южном направлении, она преодолевает эти барьеры на Западе и выходит в Атлантику. Вместе с тем она оттесняет Венецию на византийском направлении и получает выход в Черное море и через него – на территорию тогдашней Золотой Орды. 2. Флоренция в четвертом цикле начинает доминировать в сфере финансов и кредита, осваивая внутренние континентальные пространства Европы вплоть до Нидерландов и даже севернее. 3. Венеция, пользуясь награбленными богатствами, развивает банковскую систему и финансирует многочисленные военные предприятия. 4. Ватикан все активнее включается в культурную (прозелитическую) трансформацию как континентальной Европы, так и отпадающих от других

держав (Византии и даже Халифата) территорий, протополитий и этнических сообществ.

Подчеркнем, что при переходе от одной триады рассматриваемых эволюционных циклов к другой наблюдается чрезвычайно значимый и почти парадоксальный феномен. Географически центр-лидер остается практически на том же месте, но сам характер лидерства и его конкретное воплощение качественно меняются. В самом деле, центр-лидер третьего эволюционного цикла – Венеция и центр-лидер четвертого эволюционного цикла – североитальянские города-государства, в ряду которых оставалась и Венеция, географически почти совпадают. Однако в связи с переходом от доминирования торгово-производительных империй, в которых производство было вспомогательной функцией торговли, к производительно-торговым империям, где торговля подчиняется интересам развития производства, становится важнейшим инструментом его стимулирования, существенно преобразуются структура и характер центра-лидера. Происходят его глубокая внутренняя функциональная дифференциация и общее усложнение. Иными словами, при переходе от одной триады циклов МРС к другой мы обнаруживаем, что основные усилия (и издержки) трансляции лидерства обусловлены не задачами пространственного перемещения «субстанции лидерства», а задачами ее качественной структурно-функциональной трансформации, изменения самой парадигмы лидерства в рамках МРС. Позже мы сможем наблюдать аналогичный феномен при переходе от второй триады эволюционных циклов к третьей, что свидетельствует о неслучайном, системном характере этого феномена.

Таким образом, этот четвертый цикл стал по сути переходным к новому пространственно-эволюционному качеству системы. Она «размыкается» и выходит из Средиземноморья на североатлантический (а вскоре – на атлантический и даже глобальный) простор. Графически это можно было бы изобразить (забегая несколько вперед) следующим образом (см. рисунок).

Условная траектория пространственной трансляции центра-лидера MPC из Средиземноморья (первая триада эволюционных циклов) в Северную Атлантику (вторая триада эволюционных циклов), а затем и на глобальный простор (третья триада эволюционных циклов)

В целом во второй триаде циклов (1321–1789 гг.) «размыкание» средиземноморской циркуляции центра-лидера и выход в Атлантику дает мощный импульс последующему развитию колониальных систем ведущих западноевропейских торговых держав: Испании, Португалии, Голландии (Соединенным провинциям Нидерландов), Англии (Великобритании), Франции, Бельгии. Эти колониальные системы охватывают почти весь мир. Продолжается циркуляция лидерства (Северная Италия – Голландия – Великобритания, или, что то же самое, «Соединенные итальянские республики» – «Соединенные провинции» – «Соединенное Королевство») – теперь уже в принципиально новых масштабах.

Закономерности динамики системы и трансляции лидерства в целом остаются теми же, что и в первой триаде, но сам характер этого лидерства в связи с усложнением и дифференциацией международной рыночной системы получает новое развитие. В четвертом цикле (1321–1501 гг.) в Северной Италии возникают и получают развитие *мануфактуры* – прообраз будущего капиталистического производства. Формируется мануфактурный (предындустриальный) и финансово-торговый капитал. Итальянские города-государства развивают мощную банковскую и кредитно-

финансовую систему, обеспечивающую развитие не только морской, но и океанской торговли. При этом конец фазы технологической революции (1321–1345 гг.) знаменуется первым выступлением наемных рабочих во Флоренции (1343 г.) и первой известной стихийной забастовкой рабочих – чесальщиков шерсти (1345 г.), что свидетельствует о бурном развитии мануфактур в этой фазе и о связанном с ними появлении новых технологий в управлении производством (мануфактурное разделение труда) и новых критически значимых для политического развития социальных страт. В этой же фазе возникает новое мировоззрение *раннего Возрождения*, обозначившее глубокий переворот в культуре, новый литературный итальянский язык.

В конце этого цикла происходит окончательное падение Византии (1453 г.), в котором предательством во время штурма Константинополя турками-османами отличились уже генуэзцы. А в 1492 г. генуэзец Колумб на испанских каравеллах открывает Америку, что дает начало включению новых континентов в международную рыночную систему, принося коренному местному населению, находящемуся нередко на протогосударственной или даже догосударственной стадии развития, неисчислимые страдания, а порой и гибель.

Тем не менее в следующем, пятом цикле (1501–1657 гг.) прогресс этих новых направлений и новых форм экспансии МРС сопровождался не менее бурными процессами структурной перестройки системы. В фазе великих потрясений (1525–1585 гг.) итальянские города-государства в результате длившихся более полувека так называемых Итальянских войн (1494–1559 гг.) подверглись разграблению, разрушению и утратили качества централидера МРС. Важную роль в трансляции лидерства на этом этапе сыграла *Реформация*, начавшаяся в Германии и Швейцарии именно в фазе *технологической революции* (1501–1525 гг.). Еще раз обратим внимание, что технологическая революция – это революция не только в производственных, торгово-транспортных или финансовых технологиях, но и в идеологических (религиозно-идеологических и мировоззренческих) парадигмальных установках, принципах, подходах и технологиях. В этом смысле трудно переоценить

роль Реформации и возникшего протестантизма в технологической, а затем и геополитической перестройке международной рыночной системы, в превращении ее в глобальную рыночную систему. Именно протестантские страны (Голландия, Великобритания, позднее США) сделали эту систему по-настоящему всемирной, глобальной, универсальной и вездесущей. А началась эта глобальная перестройка с тезисов Мартина Лютера в Германии в 1517 г. и с деятельности Ульриха Цвингли в Швейцарии (1518–1531 гг.), за которыми последовали полтора века кровопролитных религиозных войн в Центральной и Западной Европе за право на идейное лидерство в меняющемся мире.

В V цикле место итальянских городов-государств заняла Голландия (основа будущих Соединенных провинций Нидерландов), которая, как и положено будущему центру-лидеру, долгое время вызревала в тени итальянских городов-государств, а затем в тени Испании и империи Карла V, капитализируя и консолидируя их богатства, технологические и финансовые достижения, коммерчески осваивая проложенные ими торговые пути. Отметим при этом, что Португалия и Испания, несмотря на их немалые достижения в морском (океанском) судостроении, а также в разграблении богатств, накопленных народами Африки, Центральной и Южной Америки, не смогли создать эффективную систему накопления богатства и/или капитала, которая является необходимым условием функционирования центра-лидера. В результате этого Португалия и Испания, как ни парадоксально, оказались не центром, а периферией международной рыночной системы, а место центра-лидера заняла «маленькая» и «незаметная» Голландия, сумевшая нанести ряд поражений могущественной Испанской империи и создать собственную колониальную империю.

В 1579 г. (конец фазы великих потрясений пятого эволюционного цикла) после длительной войны с Испанией была создана Утрехтская уния северных провинций Нидерландов, которая положила начало политическому существованию нового государства – Республики Соединенных провинций Нидерландов (*Republiek der Zeven Verenigde Nederlanden*). Решающий рывок Голландия как центр-лидер преобразованной международной рыночной системы

совершила в фазе РМР пятого цикла (1585–1609 гг.). В Голландии (морских торговых воротах Республики), ставшей, по выражению К. Маркса, «образцовой капиталистической страной», бурно развивалось мануфактурное производство, причем торговая гегемония была тесно связана с производственным преобладанием и доминированием на море. В середине XVII в. (к концу фазы структурного кризиса пятого эволюционного цикла) флот Голландии почти вдвое превосходил флоты Англии и Франции, взятые вместе. Амстердам стал европейским (а в сущности – мировым) центром торговли и кредита. Голландия создала колониальную систему (и Ост-Индскую компанию как ее ядро), которая позднее стала образцом для следующего центра-лидера – Англии (Великобритании).

Однако Голландия, несмотря на все свои успехи, все же не смогла сформировать принципиально новую систему мобилизации ресурсов и сделать международную рыночную систему по-настоящему мировой, глобальной. Уже к началу XVIII в. (особенно в фазе ВП шестого цикла, 1681–1729 гг.) наметилось серьезное отставание Голландии от ее главного конкурента, партнера и преемника – Великобритании. Голландия потерпела ряд поражений от Англии в трех англо-голландских войнах 1650–1670-х гг. (Всемирная... 1958: 98–99). Еще больше ослабела Голландия в результате войн с Францией, плодами которых воспользовалась Англия. Используя войну за испанское наследство (1701–1713 гг.), во время которой Франция вела военные действия на территории Голландии и нанесла последней значительный экономический ущерб, Англия (с 1707 г. после унии Англии и Шотландии – Великобритания) под предлогом защиты Голландии от Франции присвоила все основные технологические и финансовые достижения Голландии, переманила к себе существенную часть ее капиталов и высококвалифицированных специалистов. В результате в начале XVIII в. новым центром-лидером международной рыночной системы стала Великобритания. В очередной раз воспроизвелась закономерность: новый центр-лидер наследует (путем принуждения или путем «добровольного» перемещения капиталов) основные достижения и ресурсы инновационного развития предыдущего центра-лидера.

Фаза РМР шестого цикла (1729–1753 гг.) и начало следующей фазы СК (1753–1789 гг.) стали временем полного утверждения производственно-торговой и торгово-колониальной гегемонии Великобритании в Европе и в мире. В ходе войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.) Великобритания захватила у Франции стратегически важные крепости в Канаде, а во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) присвоила последние французские владения в Северной Америке, Сенегал в Африке и нанесла французам решительное поражение в Индии. После этого Индия, которая подверглась неслыханному грабежу и насилию, стала «жемчужиной британской короны» и основой Британской колониальной империи. В результате Великобритания уже к концу XVIII в. смогла накопить огромные по тем временам богатства, которые позволили ей начать промышленную революцию и перейти к новому индустриально-капиталистическому типу развития, став индустриальной империей.

Третья (индустриальная) триада циклов: завершение полуторатысячелетней исторической эпохи и грядущий перелом

В третьей триаде (1789–2041 гг.) формируется глобальная система мировых центров политической, экономической и военной силы и институтов на основе индустриально-капиталистического развития. Международная рыночная система выходит за пределы Старого Света, становится по-настоящему всемирной, глобальной. При этом кредитно-финансовая система революционным образом (в ходе так называемой промышленной революции) переходит от обслуживания торговых транзакций, через организацию производства высоколиквидных на внешних рынках товаров, к формированию и инвестиционному обеспечению крупной индустрии. В то же время сама глобальная финансовая система со временем обретает качества «финансомики», ориентированной на своего рода расширенное воспроизводство финансового капитала независимо от перипетий торгового обращения и промышленного производства, становится не столько посредником и проводником, сколько главным субъектом мирового капиталистического развития.

Отметим, что выявленная на примере предыдущих эволюционных циклов закономерность радикальных изменений в технологиях и в идеологии в фазе технологической революции (ТР) становится еще более явной и очевидной в третьей триаде циклов. Так, в фазе ТР седьмого цикла (1789–1813 гг.), наряду с промышленной революцией, внедрением в производство паровой машины и развитием хлопчатобумажной промышленности сначала в Великобритании, а затем в Европе, в результате Великой французской революции (1789–1794 гг.) с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство», который трансформировался в 1799 г. в лозунг «Свобода, равенство, собственность», утвердилась либеральная идеология, сыгравшая огромную роль в эволюции глобальной рыночной системы. В фазе ТР следующего, восьмого цикла (1897–1921 гг.) наряду с внедрением электричества, двигателя внутреннего сгорания, появлением автомобиле-, трактор- и авиастроения в результате Великой русской революции (1917–1922 гг.) возникла идеология коммунизма, которая в дальнейшем способствовала краху колониальной системы и глубокому вовлечению крупнейших стран Востока в глобальную рыночную систему. Отметим, что идеология коммунизма, в ее политическом воплощении в форме союза советских республик, просуществовала ровно один эволюционный цикл – от одной фазы ТР до другой, что, по-видимому, далеко не случайно. Наконец, в фазе ТР текущего девятого цикла (1981–2005 гг.), наряду с широким распространением информационных технологий, мобильной связи и сети Интернет, возникла и распространилась идеология неолиберализма, глобализации, постмодернизма, униполярности и «вечного доминирования» *Rex Americana*.

Рассмотрим третью триаду более подробно. Седьмой эволюционный цикл (1789–1897 гг.) стал решающим в плане становления крупной индустрии и формирования мировой финансовой системы. *Великобритания* (не в последнюю очередь благодаря неслыханному разграблению колоний и заимствованию изобретений у других стран) из производительно-торговой державы превратилась в могущественную индустриальную *Британскую империю* с огромным количеством колоний, доминионов, протекторатов и прочих зависимых стран. К концу этого цикла, то есть к концу XIX в., Британ-

ская империя единолично контролировала (с учетом морей и океанов) около 40 % всей поверхности земного шара.

Обратим внимание, что здесь, при переходе от второй триады эволюционных циклов к третьей триаде, как и при переходе от первой триады циклов ко второй, воспроизвелась та же самая закономерность перехода (трансляции) лидерства. Вновь центр-лидер (в данном случае Великобритания) географически остался практически на том же месте (как в свое время центр-лидер остался в Северной Италии). Но характер этого центра-лидера и самого лидерства принципиально изменился в связи с переходом к индустриально-капиталистическому обществу: место Англии (Великобритании), претендовавшей главным образом на доминирование в Европе, заняла огромная Британская империя, стремившаяся уже к мировому господству и пытавшаяся (порой не без успеха) установить свою глобальную гегемонию. Подобное сохранение лидерства географически на том же месте при переходе от одной триады циклов к другой (от одного типа развития международной рыночной системы к другому), разумеется, не случайно. Оно связано с тем, что этот переход требует мобилизации огромных ресурсов, а такие ресурсы как раз и накапливаются предыдущим центром-лидером. Но при таком переходе система не может себе позволить существенного пространственного перемещения, все ее ресурсы направляются на глубокую качественную внутреннюю трансформацию. Когда же новый тип развития (и, соответственно, новый тип доминирующих империй) утвердился, становится возможным и необходимым географическое перемещение центра-лидера, что и наблюдается в каждой триаде рассматриваемых циклов.

Весьма показательным, что переход от центра-лидера в лице Великобритании эпохи производительно-торговых империй к центру-лидеру в виде Британской империи эпохи индустриальных империй, как и прежние переходы лидерства, произошел именно в фазе великих потрясений (фаза VII цикла, 1813–1849 гг.), точнее, в ее конце (1830–1840-е гг.). Именно тогда в Великобритании победило фритредерство, выражавшее интересы крупного промышленного капитала, а интересы лендлордов и прежних владельцев мануфактур отошли на второй план. Окончательно индустриальной

империей («мастерской мира») и мировым центром-лидером Британская империя стала в фазе РМР восьмого цикла (1849–1873 гг.). В этой же фазе произошла масштабная экспансия Британской империи, расширение ее колониальной системы до неслыханных прежде размеров.

В фазе СК (1873–1897 гг.) политическое и экономическое доминирование Британской империи в мире достигло своего пика, так что в Британии заговорили о «конце истории» и о «вечном» британском господстве (Тойнби 1995: 28–29, 323–324). Однако именно в этот период США и Германия стремительно догоняли, а по ряду позиций и обгоняли Британскую империю в экономике, в развитии новых отраслей крупной индустрии, в новейших технологических разработках. Поэтому с началом нового восьмого цикла (1897–1981 гг.) начался быстрый и необратимый закат Британской империи. В ходе двух мировых войн за глобальное экономическое, политическое и военное лидерство боролись США и Германия. В итоге победили Соединенные Штаты, а «победы» Британской империи в этих мировых войнах обернулись ее поражением в глобальном соперничестве с США. Вновь, как и в прежних эволюционных циклах, решающей эпохой для смены лидерства стала фаза великих потрясений (1921–1945 гг.). В ходе Второй мировой войны США использовали британские капиталы, технологии, изобретения и инновации, а после войны – еще и германские технологии и изобретения. В 1944 г. после заключения Бреттон-Вудских соглашений США окончательно стали мировым финансовым центром, что позволило им на протяжении многих десятилетий печатать доллары, ставшие и до сих пор еще остающиеся универсальной мировой резервной валютой. В результате к концу XX в. США после распада СССР стали мировым гегемоном и вновь, как в свое время это делала Британская империя, провозгласили «конец истории» и «вечное господство либерализма» (Фукуяма 1990).

Однако история в очередной раз не закончилась, а преподнесла своим «завершителям» неожиданные сюрпризы. Сначала грянули кризис 2000–2001 гг. и события 11 сентября 2001 г., потом США начали очередную бесконечную войну в Афганистане, вторглись в Ирак. Вскоре разразился глубокий глобальный финансовый и эко-

номический кризис 2008–2009 гг. с долговременными экономическими, социальными и политическими последствиями. А в 2011 г. началась «арабская весна», которая привела к деструктивным последствиям на Ближнем Востоке и затем в других регионах мира. За ней последовали столкновения между США и Россией из-за Сирии и Украины, началась гибридная война, в ходе которой США сами способствовали объединению усилий России и Китая для противостояния Западу.

Кто же на этот раз – к 2017–2018 гг. (завершение ключевой для судеб мирового лидерства фазы великих потрясений) – стал победителем? У кого оказались наилучшие возможности концентрации ресурсов для технологического рывка и распространения инноваций в новых глобальных пространствах развития? На первый взгляд кажется, что это по-прежнему США, сохранившие роль технологического и финансового лидера, хотя и уступившие Китаю и другим азиатским странам первенство в индустриальном производстве. Вспомним, однако, что нечто подобное мы уже наблюдали в восьмом цикле: Британская империя сохраняла технологическое и отчасти финансовое лидерство почти до Второй мировой войны, но уступила промышленное лидерство США и Германии гораздо раньше, уже перед Первой мировой войной, а лидерство в мировой торговле и в вооружениях утратила в период между двумя мировыми войнами. В девятом цикле Соединенные Штаты утратили лидерство в индустриальном производстве уже на рубеже XX–XXI вв., а на протяжении фазы ВП (2005–2017 гг.) постепенно потеряли неоспоримое лидерство в мировой торговле и в разработке новейших систем оружия. Следующим (и во многом решающим) этапом станет утрата неоспоримого финансового лидерства США, и этот этап уже начался.

Более того, внутри Соединенных Штатов с начала 2000-х гг. наблюдается глубокий раскол в элите и в обществе, борьба между глобалистами и националистами, а во внешней американской политике обострились отношения с ключевыми игроками – Россией, Китаем, ЕС, Турцией, Ираном и даже Саудовской Аравией. В этом плане перспективы азиатских держав (Китая, Японии, Индии, Южной Кореи и др.), несмотря на все противоречия между ними, кото-

рые США пытаются разжечь или усилить, выглядят более предпочтительными. Следует учитывать и то фундаментальное обстоятельство, что, как было показано выше, сам характер лидерства меняется при переходе от одной триады эволюционных циклов к другой. И наиболее перспективным в XXI в. может оказаться *полицентричный мировой порядок*, включающий лидерство нескольких держав, ни одна из которых не может играть роль абсолютного гегемона, но каждая способна отстаивать свой контроль над внешними территориями, необходимыми ей для развития. Третья триада циклов постепенно подходит к концу, приближается сингулярность начала 2040-х гг., и это предопределяет огромные геополитические и цивилизационные сдвиги, к которым Pax Americana адаптироваться принципиально не сможет (Айвазов, Пантин 2018; Лапкин 2018).

В то же время США еще располагают огромными финансовыми, технологическими, военными и иными ресурсами. Они упорно и последовательно стремятся не только сохранить, но и упрочить свою гегемонию, подчинив всех (прежде всего Россию, Китай и ЕС) своей воле и сделав Pax Americana незыблемым. Поэтому исход борьбы за глобальное лидерство, борьбы, которая вступила в критическую фазу, еще отнюдь не предрешен, хотя наиболее вероятным представляется всеобъемлющий кризис Pax Americana и переход лидерства к сообществу азиатско-тихоокеанских держав, которое в ближайшие десятилетия будет выстроено на пока еще не вполне ясных основаниях, к полицентрическому мировому порядку.

Подытоживая сказанное, последовательность центров-лидеров на протяжении девяти эволюционных циклов сначала международной, а затем глобальной рыночной системы можно описать следующим образом (табл. 3). При этом следует учитывать, что окончательная смена центра-лидера и связанного с ним международного (мирового) порядка происходит не в самом начале каждого эволюционного цикла (то есть не в фазе ТР, которая открывает очередной цикл), а в середине или в конце следующей за ней фазы ВП. Иными словами, завершение процесса смены лидера в каждом эволюционном цикле сдвинуто по крайней мере на 24 года (продолжительность первой фазы цикла ТР) или даже немногим более.

Таблица 3

Последовательность центров-лидеров в различных циклах эволюции международной (глобальной) рыночной системы и связанного с ним международного (мирового) порядка (МП)

Цикл	Период	Центр-лидер
I	637–889 гг.	Арабский халифат, МП 1
II	889–1117 гг.	Византия, МП 2
III	1117–1321 гг. (переход ко второй триаде циклов)	Венеция, МП 3
IV	1321–1501 гг.	Итальянские города-государства (Генуя, Венеция, Флоренция и др.), МП 4
V	1501–1657 гг.	Голландия (Соединенные провинции Нидерландов), МП 5
VI	1657–1789 гг. (переход к третьей триаде циклов)	Англия (Великобритания), МП 6
VII	1789–1897 гг.	Британская империя (Соединенное Королевство), МП 7
VIII	1897–1981 гг.	Соединенные Штаты Америки, МП 8
IX	1981–2041 гг. (сингулярность)	Переходная структура от доминирующих США к сообществу азиатско-тихоокеанских держав (включающему и Индию), МП 9

Выводы: основные тенденции и закономерности эволюции международной рыночной системы

В заключение подведем некоторые наиболее важные итоги и еще раз обратим внимание на удивительную преемственность и вместе с тем на последовательное эволюционное усложнение в динамике международной, а затем и глобальной рыночной системы.

Во-первых, еще раз выделим и подчеркнем отличительные черты каждой из фаз циклов эволюции международной рыночной системы, но на этот раз начнем с фазы структурного кризиса (как известно, цикл можно начинать с любой фазы, но при этом важно понимать логику и последовательность движения от одной фазы к другой).

Структурный кризис геополитической и геоэкономической экспансии (СК) означает вызревание очередной структурной перестройки международной рыночной системы. Этот кризис диагностирует наличие препятствий на пути структурного усложнения системы, возникающих по итогам предшествующего распространения политических, социальных, экономических и культурных институтов и инноваций на всю охваченную на прежних этапах экспансии ойкумену. Тем самым он стимулирует и подготавливает новую технологическую революцию в самых разных областях жизни общества.

Технологическая революция (ТР) – это революция технологий власти, идеологии, геополитического доминирования, военного дела, финансов и производства. Наиболее успешные бенефициары эпохи СК на основе обретенных по ее окончании ресурсов начинают технологическое совершенствование своего инструментария международной власти в рамках МРС, стремясь к капитализации получаемых при реализации своего технологического превосходства монопольных преимуществ. По итогам этого периода – ввиду узости рынка (платежеспособного спроса) инновационно продвинутой части ойкумены (прежде всего ее центра-лидера) и отставания периферии – нарастают проблемы в обращении капитала и возврате кредитов, что провоцирует последующий глубокий финансовый кризис и затяжную депрессию. Эта эпоха – чрезвычайно бурная и «катастрофическая», особенно сильно бьющая по прежним структурам территориального контроля (империям) (в период 2017–2041 гг. – по «главной империи» – США).

Великие потрясения (ВП) – эпоха радикальной геополитической трансформации и форсированной мобилизации «ресурсов мощи» основных геополитических игроков. Эта фаза в годы своего завершения инициирует последующую глобальную перестройку эпохи РМР. В ходе нее сокрушительному удару подвергаются и центр системы, и ее периферия, где начинаются «войны всех со всеми».

Революция международного рынка (РМР) означает радикальное изменение иерархической структуры международного политического и экономического развития. Трансформация международной иерархии развития и связанные с этим масштабные геополитические сдвиги дают шанс новым игрокам стать значимыми в рам-

ках системы, что, в свою очередь, способствует преодолению прежней ограниченности спроса, узости мировых рынков. Параллельно в рамках этой фазы окончательно взламывается прежняя иерархия политического, экономического, финансового, технологического и военного доминирования (сегодня – глобального доминирования) и осуществляется принципиальное обновление лидерства (как субъекта-лидера, так и самой парадигмы лидерства).

Во-вторых, следует отметить, что само разделение на понижательные и повышательные фазы (волны) циклов Кондратьева и их более ранних предшественников (циклов конъюнктуры) является отнюдь не случайным. Понижательные фазы (структурный кризис, великие потрясения в рамках модели МРС) – это *фазы релаксации и вызревания новых паттернов эволюции*, а повышательные фазы (технологическая революция, революция международной рыночной системы) – это *фазы рывка и экспансии международной рыночной системы*. По мере усложнения системы процессы релаксации ускоряются вплоть до элиминирования самой этой фазы как самостоятельного периода после завершения фазы РМР девятого эволюционного цикла (см. в табл. 1 прогнозируемую с высокой вероятностью *сингулярность в начале 2040-х гг.*). В итоге чередование фаз релаксации и рывка является одним из общих принципов мирового циклически-волнового развития, который был продемонстрирован ранее на примере политической динамики России (Лапкин 2012; Пантин, Лапкин 2014).

В-третьих, в ближайшие десятилетия наибольший потенциал для технологического (в широком плане) лидерства обнаруживается у стран-лидеров периферии (Китая и других азиатских государств). Вместе с тем у нынешнего глобального лидера (США) и его сателлитов нет приемлемого «проекта будущего», они поглощены разрушительными внутренними и генерируемыми ими вовне конфликтами, а попытки задействовать ранее уже использованные приемы («охота на ведьм», русофобия, китаефобия) не дают запланированных результатов.

В эпоху, когда необходимо распространять новую парадигму лидерства на весь мир, глобальный лидер (США) занимает непоследовательную и скорее консервативно-деструктивную позицию. Более того, многие институционально-правовые структуры преж-

него глобального доминирования сегодня разрушаются усилиями самого глобального лидера (действия, направленные на разрушение ЮНЕСКО, ООН, НАТО, ВТО, МВФ, Транстихоокеанского партнерства, поддержка *Brexit* и др.). Эволюция системы (МРС) идет буквально по следующему сценарию: *Карфаген должен быть разрушен, но если нет подходящего для этого Рима, то он будет разрушен усилиями самого Карфагена.*

Таким образом, сегодняшняя дисфункция смены лидерства – один из главных симптомов масштабных сбоев, обуславливающих предстоящую институциональную и содержательную (парадигмальную) трансформацию миропорядка. Эта трансформация, как следует из анализа динамики глобальной рыночной системы, будет происходить на протяжении ближайших двух десятилетий вплоть до грядущей сингулярности в начале 2040-х гг. Более подробно эта проблематика будет рассмотрена в последующих работах авторов.

В-четвертых, прослеживается важная закономерность, указывающая на связь между эволюцией международной рыночной системы и динамикой культуры. Каждой триаде рассматриваемых эволюционных циклов (то есть каждой эпохе в развитии системы) предшествует и открывает ее глубокий переворот в культурных предпочтениях и духовной жизни, утверждение нового мировоззрения, новых стилей и направлений, новых парадигм. Первой триаде циклов (эпохе торгово-производительных империй) предшествовал самый глубокий переворот – утверждение и распространение христианства, а затем ислама (IV–VII вв.). Второй триаде циклов (эпохе производительно-торговых империй) непосредственно предшествовало и открывало ее раннее Возрождение (XIV–XV вв.). Третьей триаде циклов (индустриальной эпохе) предшествовали и открывали ее барокко, Просвещение, расцвет классической музыки, затем наивысший взлет классической реалистической литературы и живописи (XVIII – вторая половина XIX в.). В связи с этим существует возможность, что нынешнее засилье низкопробной массовой культуры и господство постмодернизма при переходе к новой эпохе развития после 2040-х гг. (сингулярность) и при условии сохранения культурного многообразия может смениться подъемом культуры на новой, пока что неизвестной нам основе, но с ак-

тивным вовлечением в общемировой культурный процесс уникальных ресурсов «незападного» культурного бэкграунда.

В-пятых, в текущем IX цикле, в *преддверии сингулярности* мы все отчетливее наблюдаем исчерпание потенциала национально-государственной формы политической организации и интеграции макросообществ. Государству как политическому состоянию таких макросообществ (states) настоятельно требуется новая форма, новая идеалтипическая модель (или набор таких моделей). Именно движение в этом направлении может увенчаться формированием нового миропорядка, в чем так нуждается сегодняшний раздираемый обостряющимися конфликтами глобальный мир.

И, наконец, последнее по счету, но не по важности. Заканчивающаяся третья триада эволюционных циклов завершает не только индустриально-капиталистическую эпоху, но и огромный виток человеческой истории, истории международной рыночной системы. Этот виток начался около 1500 лет назад после разложения и распада *Pax Romana* и заканчивается на наших глазах разложением и распадом *Pax Americana*. Вопрос о том, что будет дальше, – это самый насущный практический и теоретический вопрос нашего бурного переходного времени.

Литература

Айвазов, А. Э., Пантин, В. И. 2018. От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН. *История и современность* 1: 88–108.

Бродель, Ф. 1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.*: в 3 т. Т. 3. *Время мира*. М.: Прогресс. 680 с.

Валлерстайн, И. 2003. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М.: Логос. 368 с.

Всемирная история: в 10 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. 896 с.

Всемирная история: в 10 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. 782 с.

Гринин, Л. Е., Коротчаев, А. В. 2016. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Учитель. 496 с.

Дьяконов, И. М. 2010. *Пути истории: От древнейшего человека до наших дней*. 3-е изд. М.: КомКнига. 384 с.

Кункова, В. И. 2011. Торговые отношения арабов до династии Аббасидов. *Общество. Среда. Развитие* 1: 57–60.

Лапкин, В. В.

2012. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений*. М.: ИМЭМО РАН. 140 с.

2017. В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка. *История и современность* 1: 52–78.

2018. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка. *Полис. Политические исследования* 4: 37–55.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И. 2004. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. М.: Олита. 280 с.

Модельски, Дж. 2005. Эволюция глобальной политики. *Полис. Политические исследования* 3: 62–82; 4: 124–142.

Пантин, В. И. 1996. *Циклы и ритмы истории*. Рязань: Аракс. 157 с.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В.

2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+. 448 с.

2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

2018. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку. *Полис. Политические исследования* 6: 47–66.

Поланьи, К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Тепляков, С. Н. 2015. Об экзогенном императиве пространственно-временной динамики трансформации мирового порядка. *Пространство и время* 1–2: 358–365.

Тойнби, А. Дж. 1995. *Цивилизация перед судом истории*: сб. М.: Прогресс; Культура; СПб.: Ювента. 480 с.

Тодд, Э. 2004. *После империи. Рах Америка – начало конца*. М.: Международные отношения. 240 с.

Умов (Пантин), В. И., Лапкин, В. В. 1992. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. *Полис. Политические исследования* 4: 51–63.

Уотт, У. М. 1976. *Влияние ислама на средневековую Европу*. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука». 128 с.

Фергюсон, Н. 2016. *Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства*. М.: Corpus (ACT). 192 с.

Фукуяма, Ф. 1990. Конец истории? *Вопросы философии* 3: 134–148.

Энгдаль, У. Ф. 2017. *Невидимая рука... банков*. М.: Селадо. 331 с.

Abu-Lughod, J. 1989. *Before European Hegemony. The World-System A.D. 1250–1350*. New York: Oxford University Press. 464 pp.

Акаев, А., Пантин, В. 2014. Technological Innovations and Future Shifts in International Politics. *International Studies Quarterly* 58(4): 867–872.

Arrighi, G.

1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. London, New York: Verso. 416 pp.

2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London, New York: Verso. 418 pp.

Chase-Dunn, Ch., Hall, T. D. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems (New Perspectives in Sociology)*. Boulder, CO: Westview Press. 336 pp.

Colgan, J. D., Keohane, R. O. 2017. The Liberal Order is Rigged: Fix It Now or Watch It Wither. *Foreign Affairs* 3(96): 36–44.

Duncombe, C., Dunne, T. 2018. After Liberal World Order. *International Affairs* 1 (94): 25–42.

Etzioni, A. 2012. The Devolution of American Power. *The Fletcher Forum of World Affairs* 1(37): 13–34.

Frank, A. G. 1998. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press. 416 pp.

Ikenberry, G. J. 2018. The End of Liberal International Order? *International Affairs* 1(94): 7–23.

Modelska, G., Thompson, W. R. 1996. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics (Studies in International Relations)*. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 263 pp.

Reich, S., Lebow, R. N. 2014. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 190 pp.

Zakaria, F. 2008. *The Post-American World*. New York; London: W. W. Norton & Company. 292 pp.

Zschocke, A. 1985. Kondratieff Cycles in the Pre-Industrial Period: A Bibliography. *Newsletter on Long Waves (FBC, Binghamton)* 2: 14–24.